

И.Я. Линкова

Пушкин Александр Сергеевич

Русский поэт

06.06.1799 (Москва) – 10.02.1837 (Санкт-Петербург)

В 1937 году произошел странный случай, о котором рассказывает Анна Андреевна Ахматова: «...соответственная комиссия постановила снять неудачный памятник Пушкину в темноватом сквере на Пушкинской улице в Ленинграде».

Собственно, никто не собирался делать ничего дурного. Просто памятник стоял в той части города, которая еще не существовала в пушкинские времена.

Послали грузовик-кран — вообще все, что полагается в таких случаях.

Но затем произошло нечто беспримерное. Дети, игравшие вокруг памятника, подняли такой вой, что пришлось позвонить куда следует и спросить: «Как быть?» Ответили: «Оставьте им памятник», и грузовик уехал пустой...»

Можно верить в эту историю как в реальный факт, можно слушать ее, как легенду. Важна суть: каждый, родившийся в России, знает, что есть Пушкин и что Пушкин — поэт.

Сначала появляется имя.

Великий тезка Александр Блок так и сказал — «веселое имя: Пушкин».

Даже если папа с мамой и дедушка с бабушкой не назовут ребеночку этого имени, его обязательно громко скажет радио или пропоет телевизор. И где-нибудь мелькнет профиль — непременно черным по белому, как тридцать четвертая буква, без которой уже не существует русский алфавит.

Потом в детском садике всех посадят в кружок, и воспитательница, очень сильно стараясь, начнет говорить нараспев:

...В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут,
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет...

А радиоприемник на кухне или вообще — у соседа будет петь то одним, то другим красивым голосом:

Я по-омню чудное мгновенье...

И если бы маленькие детишки умели следить за своими мыслями, они обязательно заметили бы, что как раз в ту минуту, когда кончается эта всем знакомая «песня», куда-то в самую глубину впервые и навсегда ложатся рядом друг с другом слова, которые на самом деле всегда должны быть рядом:

И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь...

После школы все знают, что Пушкин был маленького роста и кудрявый, он сначала учился в лицее, потом написал «Евгения Онегина», жена у него была красавица, и из-за этой самой жены его убил на дуэли злой француз.

Это действительно знают все, даже двоечники. А дальше...

Есть люди, которые живут на берегу моря и не умеют плавать. Или — на опушке леса, в который ни разу не заглядывали. Или — у подножья гор...

Мы все родились на берегу океана.

Не только потому, что пушкинских мыслей и чувств хватит бесчисленным читателям на бесконечные годы. Сама жизнь Пушкина, реальная жизнь веселого, злого, задумчивого, нежного, беспощадного, бесшабашного, решительного, героического, грустного человека, эта короткая тридцатисемилетняя жизнь пересказана так, как ни одна другая жизнь в России.

Есть книга, которая прослеживает все 37 лет день за днем. Буквально: каждый день, если удастся — по часам и минутам.

Есть книга, в которой собраны по слову, по строчке не стихи и поэмы, а «разговоры» Пушкина, шутки и реплики, которые он произнес ненароком, а кто-то из современников случайно запомнил.

Есть большие статьи и целые главы в серьезных книгах, где исследователи пытаются восстановить зачеркнутые строки, хотя бы приблизительно догадаться — что там было написано. Причем, пусть бы это были пушкинские строки... Отнюдь! Подробнейшему изучению подвергается случайно сохранившийся дневник молоденькой девицы, которая 175 лет тому назад пишет и зачеркивает даже не про Пушкина, а про его убийцу Дантеса...

Что же касается произведений поэта, то едва ли не каждой строке посвящены отдельное исследование, отдельный подробный комментарий. Ну, например, две строчки из того же «Евгения Онегина», совсем как будто бы простые:

...Надев широкий боливар,
Онегин едет на бульвар...

Ладно, допустим, современному читателю следует объяснить, что «боливар» — не пальто и не пиджак, а шляпа. Но этим дело не кончается. Если мы только захотим, мы сейчас же узнаем, что шляпа была названа так в честь Симона Боливара, вождя национально-освободительного движения в Латинской Америке, что этот герой пользовался огромной популярностью в Европе, что Пушкин сам носил шляпу a la Bolívar...

История состоит из деталей.

История Земли, страны, человека и его творчества.

Можно тысячу раз повторять нерадивому ученику, что царь притеснял Пушкина, царь оскорблял Пушкина, светское общество не понимало великого Пушкина... А можно прочесть тринадцать неполных строк из старого дневника, вовсе не предназначенного для публикации:

«Жена моя возвращалась из Могилева и на одной станции неподалеку от Петербурга увидела простую телегу, на телеге солому, под соломой гроб, обернутый рогожею. Три жандарма суетились на почтовом дворе, хлопотали о том, чтобы скорее перепрячь курьерских лошадей и скакать дальше с гробом.

— Что это такое? — спросила моя жена у одного из находившихся здесь крестьян.

— А бог его знает что! Вишь, какой-то Пушкин убит — и его мчат на почтовых в рогоже и соломе, прости господи — как собаку...»

И кто это пишет?! Это пишет Александр Васильевич Никитенко, усердный чиновник и пугливый литератор, который сам сначала был цензором Пушкина, а потом, став профессором Петербургского университета, читал о нем лекции.

История состоит из деталей.

Деталей и переплетений невероятного с очевидным.

Можно исписать пуды бумаги (да что там! — они давно исписаны) на тему о том, любил ли Пушкин жену свою Наталью Николаевну или эта женитьба была ошибкой. Но сколько бы ни множились сомнительные домыслы и кропотливые изыскания, у нас есть, уже есть и никуда не исчезнут полстранички старых воспоминаний о том, как в 1836 году, за несколько месяцев до смерти, взрослый, многоопытный тридцатилетний отец четверых детей, гений русской поэзии, автор уже всего своего «пушкинского наследия» возвращается из Москвы в Петербург и не застаёт жену дома. Она на балу. У Карамзиных. Пушкин летит туда, но в дом не идет, садится в пустую карету жены и посылает лакея сказать, чтобы Наталья Николаевна срочно ехала домой (только не говорить — зачем!).

Посланный возвращается и докладывает: барыня никак не может, она танцует мазурку с князем Вяземским. Пушкин посылает лакея во второй раз с требованием вызвать безотлагательно. Встревоженная Наталья Николаевна выходит, поднимается в темную карету... и попадает в объятия мужа.

Никто не выдумывал этого и не приукрашивал, Пушкин сам написал о своей проказе друзьям Нащокиным, и мы даже знаем, что платье в тот день на прекрасной Натали было розовое.

Дорога охотника за истиной проста.

Если прочитать много книг, откроется много деталей. Если деталей много, рано или поздно они превратятся в живую картину. Перед человеком, сложившим для себя эту картину, обязательные «даты жизни» великого поэта уже не смогут встать как железный забор, за которым — чужое кладбище. Сквозь дырочку каждого нуля, каждой восьмерки и девятки этому свободному человеку станут видны порывы ветра, чьи-то пристальные взгляды и тени пейзажей, давно исчезнувших.

1799 год. «В Москве, в ветхом с продырявленной крышей деревянном домике комиссариатского чиновника Скворцова на Немецкой улице родился Пушкин. В этот день по всем церквам шли молебны, гудели колокола, и на улицах обыватели кричали “ура”. Москва праздновала рождение внучки императора Павла...» — это Георгий Чулков начинает рассказывать биографию Пушкина.

1811 год. «Как в Москву везли девиц на ярмарку невест, так в Петербург стали везить сыновей для воспитания.

Время менялось. Отцы вдруг поняли, что птенцов без этого петербургского воспитания затрут, забудут, обойдут... Постановление о лицее внезапно возбудило надежды и честолюбие родителей. В особенности были заняты этой мыслью отцы, карьера которых не удалась или прервалась... По горькому опыту все знали, что необходимо покровительство и без сильной руки ничего не добьешься», — это Юрий Тынянов ведет нас к тому часу, когда Пушкин вступит в Царскосельский лицей.

1811–1817 годы.

«От 7 до 9 часов — класс.

В 9 — чай; прогулка — до 10.

От 10 до 12 — класс.

От 12 до часу — прогулка. В час — обед.

От 2 до 3 — чистописанье или рисованье.

От 3 до 5...

...Форма одежды сначала была стеснительна. По будням — синие сюртуки с красными воротниками и брюки того же цвета: это бы ничего; но зато по праздникам мундир... белые панталоны, белый жилет, белый галстук, ботфорты, треугольная шляпа... В этом наряде оставались до обеда...

Обед состоял из трех блюд (по праздникам четыре). За ужином два... При утреннем чае — крупитчатая белая булка, за вечерним — полбулки... Сначала давали по полустакану портеру за обедом. Потом эта английская система была уничтожена. Мы ограничивались квасом и чистой водой...» Здесь можно верить каждому слову. Не только про «форму одежды», но и потом, когда автор начинает вспоминать о первых пушкинских стихах и поступках. На дверях маленьких узких комнат в лицейском коридоре до сих пор белеют таблички: № 13. Иван Пущин. № 14. Александр Пушкин. Автор этих воспоминаний имел полное право сказать: «...я гляжу на Пушкина не как литератор, а как друг и товарищ».

1817 год. «После шестилетнего воспитания в Лицее Пушкин вступил в Министерство иностранных дел с чином коллежского секретаря. Аттестат, выданный ему из Лицея, свидетельствовал между прочим об отличных успехах его в фехтовании и танцевании и о посредственных в русском языке.

По выходе из Лицея Пушкин вполне воспользовался своею молодостью и независимостью. Его по очереди влекли к себе то большой свет, то шумные пиры, то закулисные тайны...

Известность Пушкина, и литературная и личная, с каждым днем возрастала. Молодежь твердила наизусть его стихи, повторяла остроты его и рассказывала об нем

анекдоты...» — воспоминание называется «Биографическое известие об А.С. Пушкине до 1826 года», и автор его — Пушкин Л.С., то есть, попросту говоря, — младший брат Левушка.

1820 год. «Над здешним поэтом Пушкиным если не туча, то по крайней мере облако, и громоносное... он написал и распустил стихи на вольность, эпиграммы на властителей и проч., и проч. Это узнала Полиция etc. Опасаются следствий...» Карамзин был прав: 6 мая 1820 года через царскосельскую заставу из Петербурга выехал в свою первую ссылку уже известный поэт Александр Пушкин. И нужно искать умелого проводника, который сможет достойно повести за собой читателя по всем дальнейшим бесчисленным перипетиям его судьбы: из Кишинева в Одессу через Кавказ и Крым... потом в село Михайловское к старой няне Арине Родионовне и страшным вестям о декабрьском восстании... наконец, снова в Петербург, однако же не сразу, а через Москву, где царь, картинно раскрыв объятия, скажет: «Ты теперь не просто Пушкин. Ты мой Пушкин»... Бедный царь! С таким же успехом можно было сказать явлению природы: моя гроза! ...моя буря!

В словах этих нет ни капли преувеличения. Чем еще, кроме явления природы, самой природы человеческой, можно изъяснить уму непостижимое чудо болдинской осени, случившееся в 1830 году?

В Москве — холера, во Франции — революция, а в разоренном, обнищавшем до предела родовом своем поместье Болдино сидит, запертый холерными карантинами, томится жених Пушкин и в ожидании обещанной свадьбы с юной красавицей Гончаровой пишет едва ли не каждый день по бессмертному шедевру. Впрочем, что толку перечислять имена этих шедевров для тех, кто не читал ни одного, кто ни разу не видел белого блестящего книжного листа, на котором написано:

Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел,
Кто постепенно жизни холод
С летами вытерпеть умел...

И дата: 18 сентября. И картинка: с тем еще немножко зеленым, но все-таки уже пожелтевшим простором, который бывает в России посреди сентября. И несколько строчек маленькими буквами о том, что кроме гречневой каши и картошки ничего, в сущности, Пушкину и приготовить-то в Болдине не могли. И фотография рукописной страницы с бесконечными помарками и длинным хвостиком у буквы «а», если она в слове последняя...

Есть книги, которые умеют проследить пушкинскую жизнь без суеты. Чем дальше развиваются события, чем больше сгущаются тучи («...цензурные преследования, невозможность ни расстаться с Петербургом, ни работать, оставаясь в нем, финансовые трудности... остро переживаемое чувство трагичности положения как России, так и европейской цивилизации» — Ю. Лотман), несмотря ни на что нарастает и крепнет какая-то гордая уверенность: заставить Пушкина «жить не так, как он хочет, невозможно»... Да, «он бывал оскорблен, но никогда не допускал себя быть униженным».

Поэтому — дуэль.

А смерть... Но ведь каждый человек вынужден умереть. Вся разница заключается в том — как.

После какой жизни.

На какой ноте.

Из самых последних строчек о самых последних часах и минутах пушкинских страданий не глаз и не разум, а, наверное, душа выбирает свои слова. Доктор Даль записал все: как дышал, умирая, о чем просил, и этот сознательно, четко произнесенный повтор — «Кончена жизнь! — Жизнь кончена».

Но душа выбирает другое.

За сорок пять минут до кончины, в полузабытьи, крепко сжавши руку склонившегося над ним друга, Пушкин вдруг сказал:

— Ну, подымай же меня, пойдём, да выше, выше, ну, пойдём...

Один очень многоопытный русский человек, вовсе не пушкинист по профессии, а просто большой читатель, написал о Пушкине так:

«Он не унес с собой в могилу никакой тайны...

Он не мудрил над жизнью...

Он описал жизнь, как она есть, и человеческие чувства, как они были, есть и будут. Поэтому он всем понятен».

Это правда, но этого мало.

Остается ответить на главный вопрос: почему своим образом, своим вечным гражданином, своим вторым «я» огромная страна Россия выбрала не полководца, не вождя, не отважного путешественника, а поэта? Именно этого поэта — Александра Пушкина?

Ответ придумал старый мудрец, посвятивший поиску истины все свои силы. Он сказал: «Пушкин вошел в русскую культуру не только как Поэт, но и как гениальный мастер жизни».

Вот это и есть правда.